

РАУЖИНА А. М.
ПУШКИНСКИЙ РОМАН В СТИХАХ
В ПАРОДИЯХ И ПЕРЕПЕВАХ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается судьба первого русского реалистического романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина в поэзии начала XXI века. Анализ произведений В. Дагестанского и Э. Абрамова позволяет сделать вывод об использовании авторами элементов пародии и перепева для интерпретации текста-оригинала. В таких текстах авторы описывают современную действительность с ее знаковыми приметами, вступают в диалог с классиком и демонстрируют мастерство стилизации в собственных текстах.

Ключевые слова: роман в стихах, «Евгений Онегин», пародическое использование, перепев, травестия.

RAUZHINA A. M.
PUSHKIN'S POETIC NOVEL IN PARODIES AND REHASHES
OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract. The article deals with the development of the first Russian realistic novel in verse "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin in the poetry of the beginning of the XXI century. An analysis of the works of V. Dagestansky and E. Abramov allows us to conclude that the authors use parodies and rehashes to interpret the original text. In such texts, the authors describe modern reality with its iconic signs, initiate a dialogue with the classic author, and show the ability to stylize their own texts.

Keywords: poetic novel, "Evgeny Onegin", parody, rehash, travesty.

Литературное движение ориентируется на поиск новых форм, путей самовыражения, познания исторической действительности. Так, бурное распространение онегинских перепевов в 20-е годы XX века основывалось на поиске новых знаковых представителей литературы вследствие эмиграции значимых фигур. Послереволюционные тексты подвергаются переделке, изъятию из них «буржуазности», после чего они становятся несамодостаточными, их регистр снижается до фарсового. Онегин сменяет множество профессий и занятий, проходит войну, эпоху «оттепели» и все главные исторические события века.

Переход в новый XXI век не умоляет популярности романа А.С. Пушкина. Особую роль в появлении новой волны переделок романа сыграл 200-летний юбилей классика русской литературы. Все больше авторов вступают в прямой диалог с Пушкиным с целью

продемонстрировать свои возможности стилизации текста, примерить форму канонического произведения на собственные сочинения. Обратив взгляд читателя на произведение сквозь призму узнаваемых сюжетов, героев, коллизий. Таким образом, роман в стихах становится, с одной стороны, подлинным изображением пушкинского времени, с другой – универсальной формой для творческих конструктов писателей всех последующих поколений.

Пространство для перепевов и сиквелов «Евгения Онегина» создается и особенностью произведения: «механическая» незавершенность порождает желание творческих читателей развивать эту, на их взгляд, неоднозначность, используя различные сюжетные ходы [1, с. 56]. Постигая авторскую интенцию, писатели берутся и за исправление ключевых сцен выбора каждого из героев: письмо Татьяны к Онегину, дуэль Онегина и Ленского, последняя встреча Онегина и Лариной.

Авторами пародических использований не берется собственно жанр романа в стихах, так как ими осознается невозможность приближения к достигнутому Пушкиным уровню. Для формы своих текстов они избирают разные жанры: драма, рассказ, повесть, анекдот и т.д. В связи с этим писатели воссоздают не полномасштабную «энциклопедию», но цельные отрывки, в которых используют отдельные аспекты психологии героев, ключевые сцены первоисточника, прецедентные имена и т.д. [4, с. 409].

Стоит отметить, что тексты, сконструированные на основе хрестоматийного «Онегина» чаще всего, используют комическую стилизацию (целенаправленно ли, непроизвольно). И частотными здесь являются перепев и пародическое использование. Специфика пародической формы пародийной функции обстоятельно была отмечена Ю. Н. Тыняновым. Отмечая, что «использование какого-либо произведения как макета для нового произведения – очень частое явление», он дал ему название «пародическое использование». Суть его заключается в применении «пародических форм в непародийной функции» [9, с. 290]. Отсюда – направленность не на текст-первоисточник, но на современные реалии или само отношение к минувшим эпохам в контексте настоящего. То есть, пародическое использование отлично от собственно пародии функциональностью, направленностью и вытекающим из нее характером литературного источника, модель которого положена в основу нового произведения.

Им приводится и «перепев» как возможный термин для обозначения явления, близкого одновременно как пародии, так и подражанию, но так и отличного от них. Л. В. Брадис определяет главной целью перепева высмеивание какого-либо общественного явления [3, с. 84-85]. Также считает необходимым противопоставление пародии и перепева В. И. Новиков, который, особо подчеркивая их близость, родственность, предостерегает от смешения данных явлений. Перепев, по его мнению, обладает большей связью с пародией,

сочетая в себе сатирический памфлет, фельетон и саму пародию [7, с. 304]. К тому же, отмечает автор, стоит помнить о том, что само слово перепев являются калькой с греческой пародии [7, с. 268].

Вопрос о месте перепева в ряду других юмористических и сатирических жанров находится в стадии решения. Но главными признаками, выделяемыми целым рядом исследователей, являются: текст-источник, имеющий широкую известность и одновременно отсутствие направленности – с отрицательной коннотацией – на этот текст.

Первым значимым произведением в начале XXI века является перепев Виктора Дагестанского «Евгений Онегин 2000 года» (2001 г.) Уже в начале текста Дагестанским, как и в пушкинском оригинале, намечается план и суть повествования: использование формы романа в стихах для «серьезных» размышлений и здесь же – для «полушутливых рассуждений» [5]. Благодаря этому создается некоторая отстранённость текста Дагестанского от текста-оригинала, что дает возможность вплетать новые аспекты уже современной окружающей среды. Такой «экзистенциальный» подход позволяет отходить от заданной А. С. Пушкиным масштабности описания. В центре «младшей энциклопедии жизни» – новый Онегин с новыми, свойственными дигитальной среде, проблемами.

Дагестанский инкрустирует свое произведение прямыми цитатами русского классика. Так конструируется диалог между авторами, а вместе с тем и двумя эпохами, между которыми – века и отличные, свойственные для каждой из них, проблемы.

Как и во многих других травестийных переработках «практэкста», сам тон повествования снижается, приближается к ироническому. Главный герой – Евгений Онегин – герой своего времени, студент МГИМО, творящий «конспект по Карлу Марксу [5]. Дагестанский профанирует и устремления молодого повесы: изучение французского сводится к хоровому пению Марсельезы, английского – чтению меню в столичных ресторанах. Автор одевает своего героя в яркие приметы времени:

*Онегин отрок в меру славный
И джинсы «Левис» он носил
От Зайцева костюм лавсанный
Пушок лишь «Шиком» лезвий брил
И танцевал по мере нужд
Наклона три из танго и мазурки
«Брек Данс» не очень чтобы чужд
И твист и реп движенья и фигурки
Фано и песни: продолжать? [5].*

Знаковые отрывки прототекста Дагестанский изменяет, доводит их до сатиры на современный мир. Серебрящийся «морозной пылью» воротник сменяется на полированную серебром машину. В самом сознании Онегина происходит не столько переход к знаменитой русской тоске, сколько полный регресс личности. От перестроечной эпохи, выпавшей на детство героя, до становления непривычного русскому человеку до этого момента рыночной системы:

Он знал, товар имеет таксу

И верил в доллар как отцу.

Отец его понять не мог

Как доллар в доме стал, что бог [5].

Новому Онегину автор не дает реализовать большей части событий текст-оригинала. Дагестанскому важен не путь героя, а его внутреннее состояние опустошенности, отсутствия интереса к жизни. Так, Дагестанский с помощью оригинального текста описывает нравственное обнищание молодых людей своего времени.

Интересным в ряду травестийных переложений представляется нам текст Э. Абрамова «Я Вам пишу. Десятая глава роману А. С. Пушкина "Евгений Онегин"» (2002 г.). Автор вновь вступает в диалог с писателем: во сне сам классик передает ему замысел продолжения «неоконченного романа» и поручает его претворить в жизнь:

Вот рукопись главы последней,

Я отыскал ее намедни [6].

Онегин Абрамова следует якобы по одному из путей, предложенных герою самим автором оригинального романа в стихах. Так, Ю. Юзефович отмечает, что во время встречи с А. С. Пушкины в 1829 году, тот поделился планами дальнейшей судьбы Евгения: он «должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов» [8, с. 387]. Абрамов проводит своего Онегина через испытания путешествием по разноликой стране декабристских настроений. Теперь отстранение в первых главах героя от света переходит в сознательный выбор. Происходит не развитие собственно героя, а течение самого времени, его изменении в бурную эпоху исторических событий. Так, Онегин становится настоящим декабристом, что является еще один однозначным ответом на давнюю полемику среди литературоведов о том, мог ли перейти герой на сторону участников народного волнения. После подавления вместе с другими декабристами Онегина ссылают в Сибирь. Спустя десять лет герой получает письмо от Татьяны, в котором – весть о смерти мужа-генерала и признание в не угасшей за все эти годы любви.

Продолжение Онегина полно трагизма и светлой грусти. Оно переходит в своем развитии от первого русского реалистического романа к роману неосентиментализма.

Неосентиментализм отличен от сентиментализма карамзинского, хотя и базируется на его основе. Неореализм включает в себя неоромантические и немодернистские концепции, проходит длительный этап от всеохватывающей иронии к суггестиву «противоиронии» [2, с. 204]. Такое движение в целом характерно для литературного процесса современности (например, в творчестве С. Гандлевского, Е. Гришковца, Т. Кибирова). Именно поэтому развязка теста становится очевидной и наивной: Онегин приезжает к Татьяне в момент чтения письма, и их встреча становится счастливым концом. Так, пародическое использование романа в стихах позволяет Э. Абрамову придать светлую тональность описываемой истории, использовать не реализованные сюжеты для создания точной завершенности романа.

Таким образом, писатели начала XXI столетия обнаруживают новую волну интереса к роману в стихах «Евгений Онегин». Вновь вступая в творческий диалог, они не столько развивают пушкинский сюжет, сколько рождают самостоятельные произведения, выполняющие «заказ» новой эпохи. Так, авторы не обращаются к собственно пародии, направленной на сам текст, а получают удовольствие от приближения к замыслу большого романа, от отсутствия дистанции в важном для каждого из них пространстве – пространстве литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамовских Е. В. Рецептивные стратегии текста non-finito // Вестник ЮУрГУ. – 2007. – № 8 (80). – С. 56–61.
2. Барковская Н. В. Диалог с литературной классикой в современной поэзии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2004. – № 7. – С. 204–217.
3. Брадис Л. В. Сатирический перепев в творчестве поэтов «Искры» // Учен. зап. Калнин. пед. ин-та. – 1963. – Т. 36. – С. 84–85.
4. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
5. Дагестанский В. Евгений Онегин 2000 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2001/08/10-320> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Левичев С. Евгений Онегин // Новая газета Кубани. – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ngkub.ru/kultura/evgenij-onegin-prodolzhenie-romana> (дата обращения: 25.11.2022).
7. Новиков В. И. Книга о пародии. – М.: Сов. писатель, 1989. – 552 с.

8. Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина». – М.: Литературное наследство, 1977. – 760 с.
9. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 573 с.